

УДК 929(092)+297.17+94(470.67)

ББК 63.3(2р-6Д)5-8

М – 91

Мусаев Махач Абдулаевич, кандидат исторических наук, заведующий Отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, т.: (8722)620606, e-mail: mahachmus@yandex.ru;

Тахнаева Патимат Ибрагимовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, e-mail: ptakhnaeva@rambler.ru

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИЙ СУФИЙСКИХ ШЕЙХОВ (НА ПРИМЕРЕ АБУ-БАКРА (БУЛАЧ-ХАНА) АЛ-ИНГИШИ)¹
(рецензирована)

В статье на основе изучения архивных материалов, письменных источников, полевых исследований реконструируется биография малоизвестного дагестанского шейха накшбандийского тариката, рассматриваются некоторые аспекты взаимоотношений религиозных авторитетов.

Ключевые слова: биография, Накшбандийа, суфизм, шейх, Дагестан.

Musaev Makhach Abdulaevich, head of the Department of Oriental Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ph.D., tel: (8722) 620606, e-mail: mahachmus@yandex.ru;

Takhnaeva Patimat Ibragimovna, researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Ph.D., e-mail: ptakhnaeva@rambler.ru

**RESEARCH EXPERIENCE OF THE SUFI SHEIKHS BIOGRAPHY
(ON THE EXAMPLE OF ABU- BAKR (BULACH KHAN) AL-INGISHI)**
(Reviewed)

The article reconstructs the biography of non-famous Dagestani Sheikh Naqshbandi Tariqa on the basis of study of archival materials, written sources, and field research. Some aspects of the relationship of religious authorities have been considered.

Keywords: biography, Naqshbandiyya, Sufism, Sheikh, Dagestan.

Интерес к суфизму и его истории, особенно характерный для современного западного востоковедения, обусловил определенный интерес к биографиям и творчеству суфийских шейхов. Российские ученые-востоковеды при жизнеописании суфийских авторитетов акцентируют внимание в большей степени на изучении внутрисуфийских письменных источников. Между тем, как показывает практика, жизнь и творчество далеко не всех шейхов нашло отражение в биографической литературе. Это могло произойти по многим причинам – малой известности шейха, небольшого количества

его последователей, непризнания его конкурирующей ветвью или же внутри собственной ветви суфийского ордена.

Одним из них является шейх накшбандийского тариката Абу-Бакр (Булач-хан) ал-Ингиши ад-Дагистани.

Впервые в исторических источниках его имя всплывает в связи с событиями 1877 года в Дагестане и Чечне, когда горцы решили воспользоваться благоприятной политической обстановкой, связанной с очередной русско-турецкой войной, и начали освободительную войну под лозунгами восстановления шариата. Разгоревшись в апреле в Чечне, оно перекинулось на Дагестан, где одними из первых выступили гумбетовцы. К концу мая движение в Гумбете было жестоко подавлено. За участие в восстании «во внутренние губернии России под надзор полиции и в Сибирь навсегда» в административном порядке из ряда селений Гумбета было выслано 384 человека. Если жители селений Артлух и Данух высылались целыми семьями, то из остальных населенных пунктов в ссылку были отправлены только непосредственно участники восстания [1], за исключением жителя с. Мехельта «Булач Хан Хаджи Улуби вас» (Булач-хан, сын Хаджи-Улубия), высланного вместе с семьей. В архивном документе значится, что вместе с 40-летним главой семейства 26 июня 1877 г. отправлены из Дагестанской области «его жена Чамастак Магома яс (Чамасдак, дочь Мухаммада – авт.) - 35 лет, их сыновья: Магома - 10 лет, Ахмад Заудин - 2 года; дочь Ханика - 6 лет» [2]. Ссылку они отбывали в г. Тихвине Новгородской губернии.

Возможность вернуться на родину ссыльные артлухцы и данухцы получили в 1882 г., после представления от 20 мая 1881 г. нового начальника Дагестанской области князя Н.З. Чавчавадзе. Высокопоставленный военный чиновник, не забывая об «авторитете власти в горском населении», а так же «чтобы значительные расходы казны на переселение не пропали бесполезно», был категорически против возвращения ссыльных дагестанцев на родину. И все же начальник области допускал, что «исключение может быть сделано только для вдов и сирот, оставшихся без прикрытия после смерти глав семейств и для жителей Артлух и Данух, которые были высланы поголовно без разбора вины каждого из них. Этим сосланных можно возвратить в Дагестан, за исключением отдельных лиц, известных как руководители массы» [3].

Спустя год после его ходатайства наместником Кавказа было разрешено «...возвратить на родину артлухцев и данухцев, высланных из Дагестанской области за принятие участия в бывшем восстании 1877 г., за исключением 13 человек зачинщиков возмущения, поименованных в списке». В числе лишенных амнистии гумбетовцев в России на поселении был оставлен «один из главных виновников возмущения» из с. Мехельта Булач-хан Улубиев [4]. Как и все остальные ссыльные дагестанцы, они получают возможность вернуться на родину лишь после всеобщей амнистии по Манифесту от 15 мая 1883 г.

По ингишинским преданиям, Булач-хан за участие в восстании 1877 г. вместе с семьей был отправлен в ссылку и ему не помогли родственные связи с наибом Гумбета Пайзулой Дациевым, который, как поговаривали, даже являлся ему молочным бра-

том. По всей видимости, так оно и было. Как выяснилось по архивным источникам, непосредственное участие в его судьбе принимала сама мать Пайзулы Дациева. Об этом факте упоминается в собственноручном прошении Булач-хана на имя начальника Дагестанской области кн. Меликова: «...через посредство матери начальника г. Чирки Пайзулла, сыновья которой просили Вас освободить меня и оставить в своем Отечестве и не отсылать в Россию, на что Ваше Сиятельство изволили ответить им, что я буду оставлен; но не знаю почему этого не состоялось, вероятно по многому стечению дела я был забыт и отослан в Россию, после каковой высылки я лишился дому, засеянной хлебом земли и скота домашнего» [5].

Хотя по тем же семейным рассказам, виновным в высылке Булач-хана считали именно Гумбетовского наиба Пайзулу Чиркеевского. Как будто то бы до Пайзулы дошли слухи, что Булач-хан метит на его наибское место и он тогда сказал: «Дица гьесда БуцIур бегизе гьабила» («Я придавлю его горой Буцур» - аварский яз.) [6].

По возвращении на родину он не поселился в родном с. Мехельта, где имел хутор Эчедаха, а прибыл в с. Ингиши, откуда родом была его супруга.

Хутор Эчедаха являлся долей наследства Булач-хана. За несколько лет до начала восстания в Дагестане отец Булач-хана Уллуби, бывший сподвижник имама Шамиля, принял решение отправиться вместе со своей семьей (женой Бикабай, сыном Али, дочерью Саадат) мухаджиром в Османскую империю [7]. Он распродал все свое имущество, с выделением доли сыну. Сложно сказать, по какой причине Булач-хан не присоединился к отцу (к тому времени у него уже родился сын Мухаммад).

Вскоре после возвращения из ссылки Булач-хан отправился в хадж (предположительно в 1885 г.), из которого вернулся с новым именем Абу-Бакр [8], которое по местной традиции произносится как Абубакар. В Посемейных списках с. Ингиши 1886 г. он известен уже как «Абубакар Уллуби-оглы».

Его жена Чамасдак и двое детей умерли в ссылке, и по возвращении Абубакар-хаджи женился на ингишинке Баху. Несмотря на большую разницу в возрасте, у них родились дочь Айшат, двое сыновей Хаджи и Саид-Ахмад.

Вероятно будучи в хадже он получил иджазу - свидетельство, чаще документальное, правомочности шейха от Мухаммада ал-Убуду.

Мухаммад б. Кибид ал-‘Убуду (Мухаммад, сын Кебеда из с. Обода, ум. в 1307 г.х./1889-90 г.) - дагестанский ученый, суфий, ученик Абдуррахмана ас-Сугури, автор суфийского трактата «Канз ад-Дурар», который он завершил к написанию в 1305/1887-88 г. [9], а также ряда других произведений суфийской тематики. Поддерживая позицию своего наставника Абдуррахмана ас-Сугури о необходимости эмиграции мусульман с Кавказа, которая поможет продолжить джихад извне, Мухаммад ал-Убуду переселился в Мекку и Медину [10]. Как причина его эмиграции также указывается то, что «он не мог следовать здесь (в Дагестане) повелениям [Аллаха] и остерегаться от Его запретов» [11]. Эти обстоятельства были наиболее распространенными мотивациями мухаджирства дагестанцев.

Мухаммад ал-Убуди упоминается в суфийских письменных источниках. О нем пишет дагестанский ученый и шейх Шуайб б. Идрис ал-Багини в своем труде «Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва садат машаих ал-Халидийа ал-Махмудийа» («Разряды накшбандийских наставников и шейхов братства Хадилидийа-Махмудийа»). Он отмечает, что Мухаммад ал-Убуди наставлял людей на пути тариката, будучи шейхом, познавшим сокровенные знания, наиученейшим, достигшим высокой степени святости, совершенным в следовании сунны пророка и в совершенствовании пути тариката. Далее ал-Багини отмечает, что только ал-Убуди и Илйас ал-Цудахари были преемниками ас-Сугури [12].

У члена семьи шейха Абубакара Магомед Пахрудинова (1956 г.р.) в с. Ингиши хранится иджаза от Мухаммада ал-Убуди, которая дает право на наставничество Абу-Бакру ал-Ингиши. Текст (перевод с арабского яз.):

«С именем Аллаха, [обладателя] лучших имен, господа Земли и Неба. От пишущего это нуждающегося в [помощи] Всевышнего, Всемогущего, Владыки, ал-хаджж Мухаммада ал-Убуди, милость ему от Дарящего, Всевышнего, шейха всего явного и сокрытого, всем тем, мусульманам на кого распространяется его наставление на правильный путь милость вам Дорогого, Прощающего, Всевышнего и правильный путь [вам] от Владыки Всевышнего, да сохранит нас и вас Всевышний Аллах от ущерба и заблуждения. И далее: Я, слуга прекрасной степени кутба (одна из высоких степеней суфийской иерархии), да будет доволен им Аллах, и наставник возвышенного тариката, со стороны шейхов мы дали разрешение этому человеку ал-хаджж Абу-Бакру на обучение зикру от нас и воспитанию [в тарикате] нуждающихся нашим источником и [совершение] таваджуха (когда шейх обращает свой внутренний взор на сердце мюрида) на высоком пути. И мы удостоверили это печатью силсили (цепь духовной преемственности в тарикате) абсолютного разрешения (разрешение на все - таваджух, зикр и передачу иджазы в последующем) и на достоверную преемственность от преемников (до него) [а именно]: Шама - Абдуррахмана аш-Шаами, от преемников Абдуррахмана ал-Кубзари аш-Шаами; от сейида Хасана ал-Курайши; и от шейха Хидра ал-Хумуси. Иджаза (разрешение на наставничество) [передается также] от нашего господина ас-Сугури, да будет доволен ими Аллах и да возвысит Аллах степень их [святости], амин! И тот кто захочет пусть верит, а кто не захочет - пусть не верит».

Последняя фраза говорит нам о том, что возможно право Мухаммада ал-Убуди быть шейхом оспаривалось. Мы находим этому подтверждение. В рукописи текста ал-Багини имеется вкладка, вклеенная в книгу – лист бумаги с записями, сделанными другой рукой. Автором записи вероятно является Хасан-афанди ал-Кахи – преемник ал-Багини. В самом тексте написано, что автор дополнения «ал-Кахи», в изданном же в Дамаске тексте написано «Хасан-афанди ал-Кахи». Шейх Хасан-афанди со ссылкой на рассказы конкретных лиц оспаривает право ал-Убуди считаться шейхом накшбандийского тариката [13]. Неприязненное отношение ал-Кахи к ал-Убуди, видимо, является следствием их идеологических расхождений, что нашло отражение в их диспуте. Шейхи Накшбандийа-Махмудийа, к которым принадлежал и ал-Кахи, полагали, что

последователи Абдуррахмана ас-Сугури отошли от истинной накшбандийской методики, внося в нее ряд новшеств. Так, Хасан ал-Кахи сообщает, что Мухаммад ал-Убуду, требовал допускать к введению в тарикат только тех мюридов, которые уже выполняют все предписания шариата, кто очистил сердце от всех дурных наклонностей и готов отказаться от мирской суеты. Более того, лишь небольшая группа этих совершенных мюридов достойна обучению тихому «зикр калби» («поминанию сердцем»), беззвучному поминанию Аллаха про себя). Он отделял их от подавляющего большинства учеников, чьи сердца еще нельзя считать очищенными и они могли практиковать «зикр джахри» («громкое поминание») с использованием речитативов и гимнов. Эта позиция шла в прямое противоречие с представлениями шейхов Накшбандийа-Махмудийа, у которых основным упражнением для каждого ученика, вне зависимости от его положения среди суфиев, был тихий «зикр калби». Хасан ал-Кахи полагал, что ограничения в отношении мюридов, уже очистившим сердца и овладевшими нормами шариата, на деле извращает основные принципы тариката. Поэтому Хасан называл покойного Мухаммада ал-Убуду «лжешейхом» [14].

Обращает на себя внимание также то, что Шуайб ал-Багини пишет: «мы не знаем, перенял ли кто-либо их (ал-Цудахари и ал-Убуду – авт.) степень [шейха] кроме хаджия Мухаммада ал-Хуштави. Аллах знает истинную суть этого» [15]. Т.е. ал-Багини, писавший свое произведение после возможного получения Абу-Бакром ал-Ингиши иджазы, и, будучи его современником, не сообщает об этом факте.

В контексте внутрисуфийских споров о легитимности шейхства, не кажется странной следующая история, которая имеет хождение в Гумбете. В мечети с. Хиндах собрались мюриды шейха ал-Убуду. В их числе находился и Абубакар-хаджи из Ингиши. Абубакар-хаджи продемонстрировал всем присутствующим письмо с печатью на оборотной стороне, утверждая, что он имеет письменное право быть преемником шейха ал-Убуду: «Жив вукӀине кколин Гободиясул халипальун, рабитӀа жиндие гьабизе кколилан» («Я должен быть приемником ал-Убуду, и рабита (связь с шейхом посредством представления перед собой его образа) следует осуществлять со мной» - аварский яз.). Но многие с его притязаниями не согласились, обосновывая тем, что печать на письме была поставлена с оборотной стороны [16]. В их числе был мюрид Хаджи из Аргвани, который стал объяснять, почему нельзя осуществлять рабита Абубакару-хаджи. Тут один из известных мюридов шейха ал-Убуду Муртазали из Хиндаха погрозив пальцем в адрес Хаджи из Аргвани, велел ему прекратить этот разговор: «Остановись». Хаджи из Аргвани обратился к нему: «Посмотрим, что будет с твоим пальцем, которым ты грозился на меня». Спустя короткое время рука и плечо Муртазали из Хиндаха распухли, и только вымоленное прощение у Хаджи из Аргвани сняло эту напасть [17]. Для суфийской традиции характерны претензии на чудотворство суфиев, которое может включать в себя ясновидение, способность преодолеть большое расстояние в очень короткий промежуток времени, исцелять больных и помогать бесплодным женщинам забеременеть и др.

Таким образом, право Абу-Бакра ал-Ингиши быть шейхом оспаривалось в рамках его же ветви накшбандийского тариката, несмотря на наличие иджазы. Более того, параллельной ветвью оспаривалось право быть шейхом того, кто дал ему разрешение на шейхство. Тем не менее, Абу-Бакр продолжал свою практику суфийского шейха. После хаджа он отгородил себе в доме маленькую угловую комнатку, в которой уединился от внешнего мира. Он покидал ее только по пятницам, когда отправлялся в мечеть. У него было много последователей. По рассказам, когда шейх Абубакар-хаджи обновлял дом, мюриды принесли те плоские каменные плиты, которыми по настоящее время крыт потолок в его родовом доме.

После смерти шейха Абубакара-хаджи (предположительно 1901 г.) его сыновья открыли в его доме медресе с богатой библиотекой, которая частично сохранилась по сей день.

Литература:

1. ЦИА Грузии. Ф.545. Оп. 1 Д.1473. ЛЛ. 641-642.
2. Там же. Л. 642.
3. Там же. Л.263 (об.).
4. Переписка о выселении из Дагестанской области во внутренние губернии России под надзор полиции и в Сибирь навсегда Дагестане виновных в бунте происшедшем в 1877 г. (1882-1886 гг.) // ЦИА Грузии. Ф.545. Оп.1 Д.2283. Лл.123-124.
5. Переписка о выселении ... (23 мая 1877 г. – 6 сентября 1880 г.) // ЦИА Грузии. Ф.545. Оп.1. Д.1473. Лл. 641-642.
6. Информатор: Патимат Пахрудинова (1926 г.р., с. Ингиши), невестка Айшат (дочери шейха Абубакара). Записано 9 мая 2010 г. в г. Махачкала.
7. По ингишинским преданиям Уллуби вместе с сыном Али в русско-турецкую войну 1877-78 гг. воевали в формированиях северокавказских мухаджиров под командованием Газимухаммада Шамиля; Уллуби погиб под Карсом в 1877 г.
8. Информатор: Патимат Пахрудинова (1926 г.р., с. Ингиши), невестка Айшат (дочери шейха Абубакара). Записано 9 мая 2010 г. в г. Махачкала.
9. Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана // Рукописный фонд ИИ-АЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.236. Т. XIV. Л.9.
10. Кемпер М. К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003. С.286 ; Ал-Багини Шуайб б. Идрис. Табакат ал-Хваджакан ан-Накшбандийа ва садат машаих ал-Халидийа ал-Махмудийа. Димашк: Дар ан-Ну‘ман ли-л-‘улум, 2003. С. 365 (на араб. яз.)
11. Ал-Багини. Табакат... Указ. соч. С. 366.
12. Там же. С.365-366.
13. Там же. С. 366-367.
14. Кемпер М. К вопросу ... Указ. соч. С. 286-288.
15. Ал-Багини. Табакат... Указ. соч. С. 141, С.366.

16. Как ни странно, на оригинале иджазы, имеющейся в нашем распоряжении, оттиск печати располагается на лицевой стороне, прямо под текстом.

17. Сайгидинов Ш. Дир Аргъвани - тарих, Гадамал, Гумру, къисмат. Махачхъала, 2010. Гъ. 86-87 (на аварском яз.).

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (МК-64544.2010.6).